

В.А. Маклаков

Толстой и большевизм

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Маклаков**
Толстой и большевизм / В.А. Маклаков – М.: Книга по Требованию, 2021. –
54 с.

ISBN 978-5-517-83343-3

ISBN 978-5-517-83343-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

большевизма; они вмѣстѣ съ главарями большевиковъ издають въ Россіи его сочиненія, а нѣкоторые уже за-границей, то-есть на полной свободѣ, передъ лицомъ всего міра не постѣснились сказать, что въ большевизмѣ есть черты, которыя были бы дороги Толстому, что въ столкновеніи большевиковъ съ міромъ Толстой былъ бы на ихъ сторонѣ. Этихъ фактовъ достаточно, чтобы оправдать мою тему сегодня. Разъ они на-лицо, то вопросъ объ истинномъ отношеніи Толстого къ большевикамъ, изъ самаго уваженія къ его памяти, надо *поставить*, а не обходить стыдливимъ молчаніемъ. Конечно, это не только интересная, но общирная тема. Отношеніе Толстого къ большевикамъ было бы совсѣмъ непохоже на наше. Онъ бы сказалъ намъ, людямъ міра, къ какимъ бы отгѣнкамъ политической мысли мы ни принадлежали, что *не намъ* осуждать большевиковъ; что большевизмъ есть ут-рпрованное, безсовѣстное, но и логическое послѣдствіе тѣхъ ученій и взглядовъ, которыхъ держимся мы; что хотя большевизмъ появился сравнительно поздно, но въ зародышѣ онъ былъ весь на-лицо съ того самаго времени, какъ міръ покинулъ завѣты Христа и пошелъ той дорогой, которой мы всѣ продолжаемъ идти. Большевизмъ *наше* дѣтище, заслуженная *нами* Не-

между; въ большевизмѣ мы, слѣдующіе ученію міра, должны познать сами себя... Вотъ что сказалъ бы Толстой; у меня нѣтъ времени, чтобы развить эту мысль и даже чтобы заступиться за міръ; эту интересную тему я оставляю въ сторонѣ. Но такое отношеніе Толстого къ ученію міра и къ отвѣтственности міра за большевизмъ, ничего не измѣнитъ въ основномъ фактѣ, а именно, что въ большевизмѣ соединилось все, что было наиболѣе ненавистно Толстому; и что потому говорить о какомъ бы то ни было сходствѣ между ученіемъ Толстого и большевиковъ значить ничего не понимать въ этомъ ученіи.

И во-первыхъ.

Въ отношеніи къ большевизму между Толстымъ и нами, людьми міра, есть одна глубокая разница; страстность нашихъ нападокъ направлена *не на идеалъ* большевизма, а на практическое его проявленіе; безповоротное отрицательное отношеніе Толстого обращено *къ самому идеалу*. Конечный идеалъ большевизма—коммунистическое государство—имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, что сейчасъ творится въ Россіи. Но что люди міра могли бы возразить противъ самого идеала коммунистовъ, противъ государства, въ которомъ не было бы классовъ, гдѣ *все принудительно работали бы не другъ на друга,*

а на все государство, гдѣ не было бы собственниковъ, пбо *вся собственность* принадлежала бы государству? Что будетъ представлять изъ себя такое государство? Оно покажется какъ бы одной громадной фабрикой, гдѣ каждый обязанъ трудиться на общую пользу тамъ и такъ, какъ ему прикажутъ, но гдѣ за то каждый и получаетъ отъ государства все, что ему нужно; это государство издастъ въ этомъ направленіи законы, судить и караетъ за ихъ нарушеніе, силой приводитъ ихъ въ исполненіе; въ немъ сохранятся всѣ обычные атрибуты государства: судъ, полиція, войско; бюджетъ поддерживаться впѣшній порядокъ, будутъ чиновники, весь административный аппаратъ, предупреждающій беззаконія и своеволія; только вся эта машина будетъ направлена къ новой цѣли, къ тому, чтобы всѣ отдавали всю свою жизнь, весь свой трудъ государству, песли равную обязанность работать не для себя, не для своего благополучія, не во имя своихъ интересовъ, а на пользу государства; личность при этихъ условіяхъ всецѣло поглощается государствомъ, но за то въ немъ не будетъ привилегированныхъ и обремененныхъ, слабыхъ и сильныхъ. Таковъ коммунистическій идеаль; что мы, люди міра, могли бы сказать противъ подобнаго строя?

Одни изъ насъ скажутъ, что это утопія, что такое государство противно человѣческой природѣ, и потому невозможно. Другіе признаютъ, что оно имъ не нравится, что государство превратится въ фабрику, которая не идеаль общезжитія, что индивидуальности въ немъ будутъ уничтожены, что это, говоря словами Спенсера, — «грядущее рабство». Но эти возраженія не убѣдительны; и современный капиталистическій строй имѣетъ свои недостатки и конечно многимъ имѣетъ право не нравиться; а что касается до противорѣчій законамъ природы, то это такъ условно; подобная ссылка столько разъ уже дѣлалась и столько разъ оказывалась несостоятельной! Но, во всякомъ случаѣ, эти возраженія *не принципиальны*; не соглашаясь съ возможностью и даже желательностью подобнаго строя, намъ, людямъ міра, *не за что его ненавидѣть*. И это понятно. Мы всѣ, люди самыхъ различныхъ политическихъ взглядовъ, говоримъ съ коммунистами на томъ же языкѣ, исходимъ изъ одной точки зрѣнія — мы всѣ государственники. Мы не мыслимъ личности внѣ общезжитія, общезжитія внѣ государства, а государства безъ права на принужденіе. Для насъ всего выше принципъ общаго блага, этотъ основной принципъ всякаго общезжитія; долгъ

государства, по нашему мнѣнію, служить этому принципу. Какъ бы ни были различны формы государственнаго устройства, его сущность остается ѡдной: и въ коммунистическомъ государствѣ остаются поэтому тѣ же основные приемы управленія, тѣ же органы и институты какъ и въ демократической республикѣ и въ аристократической монархіи. При всемъ ихъ различіи между собой они явленія одной категоріи и потому, хотя мы можемъ *предпочитать* одно другому, мы можемъ все-таки ихъ и *понять* и, если нужно, *принять*.

Совсѣмъ иное дѣло Толстой. Я не поддамся соблазну излагать его ученіе, соблазну показать, что какъ ни далеко это ученіе отъ того, чему мы всѣ вѣримъ, оно не такъ нелогично, какъ это думаютъ люди, отдѣляющіеся отъ него двумя-тремя возраженіями. Я не войду въ детали вопроса, но сущность воззрѣній Толстого общезвѣстна. Слова Христа — «не противься злу насиліемъ» для него не метафора, не преувеличеніе, не парадоксъ, а истина простая и исполнимая. Толстой отрицаетъ *всякое насиліе, во имя чего* оно бы ни дѣлалось и *къмъ* бы ни дѣлалось. Для него государство имѣетъ не болѣе правъ на насиліе, чѣмъ кто бы то ни было; поэтому Толстой отрицаетъ самую сущность госу-

дарства, все назначеніе котораго въ правѣ насилія, направленнаго къ общему благу; онъ отрываетъ самую государственную идею, все государственные институты, самые почтенные и необходимые, войско, полицію, судъ. Онъ отвергъ бы и коммунистическое государство по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ отвергалъ всякое другое. Въ коммунизмѣ для него нѣтъ ничего, что могло бы прельстить его больше, чѣмъ другія системы; съ его точки зрѣнія между ними всеми нѣтъ разницы въ самой основѣ. Все онѣ построены на одномъ началѣ; па вѣрѣ въ спасительность *насилія*, а не завѣтовъ Христа; построены не на законѣ любви, а на законѣ *принудительной* справедливости; въ коммунизмѣ нѣтъ ничего, чтобы съ этой стороны выгодно бы отличало его отъ другихъ. Напротивъ того; коммунистическое государство въ той самой мѣрѣ, въ которой оно наиболѣе полно осуществляло-бы принципъ равенства и справедливости, показало бы для Толстого наиболѣе опаснымъ ученіемъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ сочиненій (Христово ученіе) Толстой ставитъ вопросъ, почему міръ не пошелъ за ученіемъ Христа? Отвѣтъ на это онъ нашелъ, между прочимъ, въ ученіи о соблазнахъ: «Соблазнъ, — говоритъ онъ, — есть ловушка, въ которую заманивается чело-

вѣкъ подобіемъ добра, и, понавъ въ нее, погибаетъ въ ней». Однимъ изъ такихъ соблазновъ является соблазнъ государства; «онъ состоитъ въ томъ, что люди оправдываются въ совершеніи ими грѣховъ благомъ многихъ людей, народа или чело-вѣчества». Насиліе есть зло по самой природѣ; но оно особенно опасно, когда *замаскировано*, и *«оправдывается подобіемъ добра»*, какъ будто ведетъ къ благу. Долгъ христіанина разоблачать это зло, возставать противъ подобнаго его оправданія. Потому-то Толстой въ своемъ отношеніи къ проявленіямъ государственной жизни обличалъ особенно страстно тѣ ея стороны, гдѣ зло наиболѣе прикропено; судебная дѣятельность, напримѣръ, которая для людей міра представляется наиболѣе почетной и безспорной изъ всѣхъ государственныхъ проявленій, по этому самому вызывала съ его стороны наиболѣе беспощадное осужденіе. Точно также при сужденіи о различныхъ государственныхъ формахъ, Толстой былъ-бы всего строже къ той, гдѣ лежащее въ основѣ всякаго государства насиліе было-бы *наиболѣе прикрито* иллюзіей общаго блага, соблазномъ справедливости. Въ этомъ строѣ торжество идеи насилія надъ христіанскою любовью было бы наиболѣе скрыто, а потому и наиболѣе опасно. Коммунистическое государство,

по мнѣнію Толстого, могло бы въ глазахъ міра явиться оправданіемъ зла, оправданіемъ самой государственной идеи, апологіей насилія и принужденія. То, что насъ, людей этого міра, наиболѣе привлекало бы въ этой доктринѣ, Толстого отъ нея наиболѣе бы оттолкнуло. Толстой и мы всѣ стоимъ по разнымъ сторонамъ баррикады; но мы стоимъ по одну сторону не съ Толстымъ, *а съ большевиками*. Толстой такъ далекъ отъ насъ всѣхъ, что съ высоты его міровоззрѣнія разница между нами почти незамѣтна. Въ этомъ сущность Толстого, какъ мірового явленія, его историческая позиція. Если на это скажутъ, что такіе взгляды и подобная проповѣдь Толстого могли быть вредны, что они не проявляли политическаго сознанія Россіи, внушали русскому обществу вредный политическій индифферентизмъ, сѣяли смуту въ умахъ, — я спорить не буду; я не выдаю Толстого за политическаго мыслителя и теоретика; Толстой моралистъ по существу и чистый анархистъ въ государственномъ смыслѣ. Его вліяніе въ этомъ отношеніи могло быть вреднымъ, особенно для тѣхъ, кто его не понималъ. Все это такъ, но не въ этомъ вопросъ. Но въ виду такихъ его взглядовъ, можемъ-ли мы думать, что Толстой могъ быть чѣмъ-нибудь прельщенъ въ коммунистическомъ идеалѣ, что-

бы за стремленіе къ нему онъ могъ бы что бы то ни было простить или забыть большевикамъ? Самъ коммунистическій идеалъ былъ для него чуждъ и нежелателенъ. Онъ гораздо дальше отъ этого идеала, чѣмъ всѣ мы, противники большевиковъ, слѣдующіе ученію міра. Что же могло бы примирить Толстого со зломъ, которое дѣлается во имя этого идеала?

Но отношеніе Толстого къ коммунистическому идеалу имѣетъ интересъ только академическій. Такого государства вообще еще не существуетъ въ природѣ. Но за то уже четвертый годъ въ Россіи длится то, что носитъ названіе большевизма. Большевики сами не станутъ утверждать, чтобы порядокъ, который сейчасъ ими установленъ въ Россіи, былъ нормальнымъ порядкомъ; для него у нихъ другія объясненія; это только революціонный періодъ, переходное время, у котораго свой особый историческій смыслъ. Задача его сломить господство собственниковъ, буржуазіи, разломать буржуазный строй до основанія, хотя бы цѣной уничтоженія цѣлаго класса. «Надо, по ихъ мнѣнію, сначала сдѣлать это, а потомъ уже строить новое зданіе на совершенно новыхъ началахъ. Это — хирургическая операція, которая, какъ всякая операція, носитъ временный характеръ и о которой

забываютъ съ достиженіемъ цѣли. Періодъ подобной ломки всегда жестокъ, стоить много крови и слезъ. Онъ насыщенъ несправедливостью, но это ступень къ другой, высшей справедливости. Это — муки рожденія новаго строя. Сами большевики оплакиваютъ эти насилія, но они творятъ зло во имя лучшаго будущаго». Такъ говорятъ большевики; я не хочу полемизировать съ ними, не буду разсматривать, искренни-ли эти слова. Но нельзя не признать, что подобная постановка вопроса для насъ, людей міра, вполне допустима. Мы, противники большевиковъ, какъ и они сами, признаемъ, что бываютъ эпохи, когда *насиліе необходимо*, когда жестокостью и кровью ведутъ къ лучшему будущему. Кто изъ насъ съ самыхъ противоположныхъ полюсовъ будетъ отрицать это въ принципѣ? Возьмите консервативныя партіи. Развѣ въ минуту обостренія «революціонныхъ движеній» онѣ не признавали, что необходимы противъ революціонеровъ исключительныя законы, особенныя репрессивныя мѣры, что нормальныя мѣры, которыми защищается общежитіе, въ такія минуты недостаточны? Развѣ не говорили онѣ, какъ Столыпинъ, когда имъ указывали на случайность, жестокость, несправедливость репрессій, что «когда горитъ домъ, бьютъ стекла», развѣ не это пониманіе